

Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность

приоритет2030[^]
лидерами становятся



ОГЛАВЛЕНИЕ

Американский проект в Афганистане: извилистая дорога к коллапсу	3
«Талибан»: эволюция движения и его современные позиции.....	8
Пост-американский Афганистан: опасения, надежды, реальность	11
Подходы основных глобальных и региональных акторов	14
Террористический интернационал на афганской земле	19
Производство и экспорт наркотиков.....	23
Базовые проблемы стабильности и развития.....	26
Будущее Афганистана и интересы России.....	29

Авторский коллектив:

Сафранчук Иван Алексеевич, кандидат политических наук, директор Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО МИД России

Конаровский Михаил Алексеевич, Чрезвычайный и Полномочный Посол, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО МИД России

Мачитидзе Георгий Григорьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра ближневосточных исследований ИМИ МГИМО МИД России

Чернов Даниил Николаевич, стажер Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО МИД России

Несмашный Александр Дмитриевич, аналитик Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО России

Жорнист Вера Михайловна, аналитик Центра евроазиатских исследований ИМИ МГИМО России

Консультанты:

Искандаров Косимшо Искандарович, главный ученый секретарь Академии наук Республики Таджикистан

Махмудов Рустам Баходирович, старший преподаватель факультета международных отношений УМЭД МИД Республики Узбекистан

Назаров Равшан Ринатович, доцент Ташкентского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

Фотографии на обложках: личная коллекция И.А.Сафранчука.

Стремительные события в Кабуле в августе 2021 года, которые привели к коллапсу американского режима президента А. Гани и захвату власти талибами¹, поставили вопрос о перспективах развития ситуации в Афганистане. Вопрос не праздный – направленность новой консервативной «эволюции» этой страны способна оказать весьма существенное воздействие на сопредельные регионы. И прежде всего на Центральную Азию. Потенциал внутренней нестабильности государств этого региона наглядно про-

демонстрировали события января 2022 г. в Казахстане.

В Афганистане идет становление новой власти, глубокое переформатирование внутреннего политического и социального порядка, поиск внутренней и международной легитимности талибского режима. Эти процессы далеки от завершения и несут существенные риски. Основные параметры «афганского вопроса» – внутренние и международные – представлены в настоящем докладе.

Американский проект в Афганистане: извилистая дорога к коллапсу

Всю вторую половину 1990-х годов США занимали двойственную позицию в отношении талибов. В политических и экспертных кругах были сторонники сотрудничества с антиталибским Северным альянсом², но весьма сильны были и те, кто ратовал за необходимость налаживания сотрудничества с талибами. В 2000 г. администрация Б. Клинтона заняла более жесткую позицию в отношении талибов. Но после победы Дж. Буш-мл. на выборах проталибские силы в США рассчитывали, что он исправит антиталибский крен, и продавливали свою линию весь 2001 год.

Влияние этих взглядов было таким, что даже после атак 11 сентября 2001 г. на Нью-Йорк и Вашингтон как приоритетные рассматривались варианты возмездия «Аль-Каиде»³ без свержения режима тали-

бов, а в сотрудничестве с ними. Желание поступить именно так было настолько сильным, что двухдневный ультиматум талибам превратился в двухнедельные непрямые переговоры по этому поводу. Их вел начальник пакистанской разведки. Он совершил несколько поездок в Кандагар, но, в конце концов, привез окончательный отказ талибов.

Вашингтону ничего не оставалось, как переходить к варианту прямой интервенции против «Аль-Каиды» и «Талибана». И тогда в аппарате министра обороны Д. Рамсфельда выработали новую концепцию. Предлагалось организовать и преподносить интервенцию как помощь США местным антитирадническим силам. Это должно было в будущем воодушевить «хороших парней» и в других частях мира на смену режимов⁴. При таком под-

¹ Движение «Талибан» – террористическая организация, запрещенная в России.

² Он представлял свергнутое талибами в 1996 г. правительство и состоял преимущественно из непуштунских полевых командиров. В 1998–1999 гг. талибы значительно потеснили его с контролируемых ранее территорий, но при содействии России, Ирана и ряда других государств Альянс удерживал районы на севере страны.

³ Террористическая организация, запрещенная в России.

⁴ Упоминались Ирак, Ливан, Сирия, Судан и еще нескольких стран, но их названия вымараны в рассекреченных к настоящему времени документах.

ходе естественным союзником США в афганской операции становился Северный альянс.

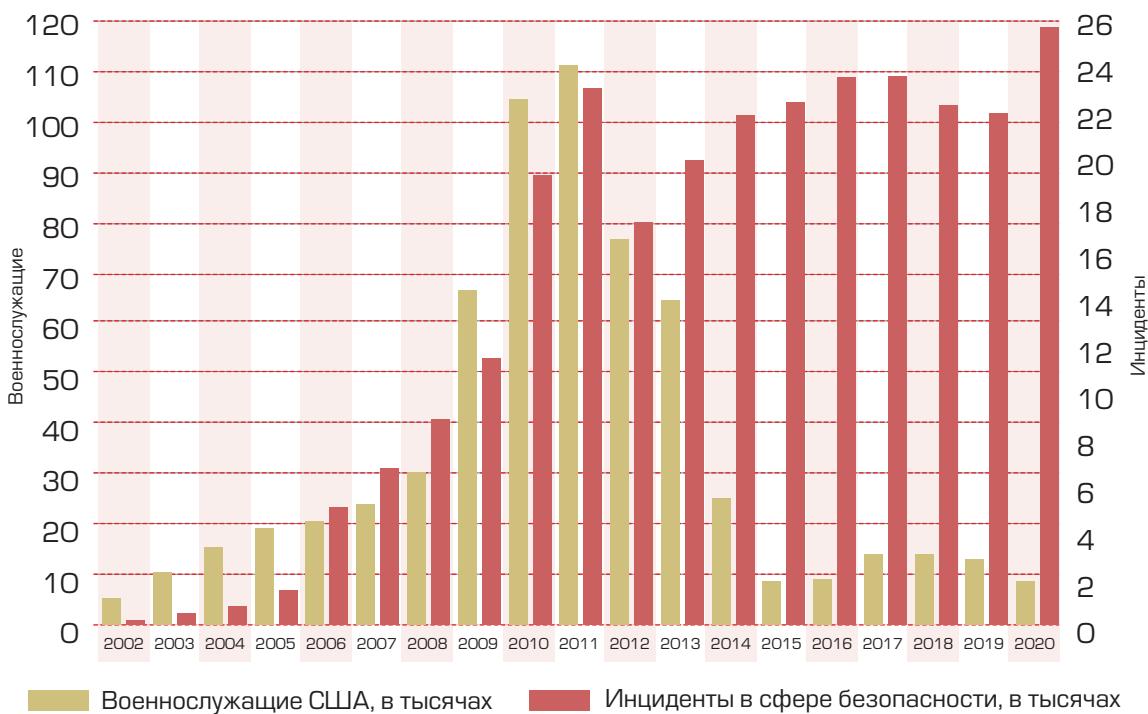
После вторжения талибы рассеялись в южных и восточных частях страны, практически без сопротивления. Явной проблемой было то, что не удалось захватить Усаму бен Ладена. Но и без этого интервенция выглядела более чем успешной. Из представителей Северного альянса, партий бывших моджахедов и промонархистских кругов, а также из находившихся в эмиграции афганских технократов была сформирована хрупкая Временная администрация под руководством пуштуна Х. Карзая. Начались работа над конституцией и подготовка выборов. Международное сообщество обещало поддержку новым властям.

Со второй половины 2002 г. талибы стали давать о себе знать – имели место теракты, похищения иностранцев и деятелей новой администрации, а также покушения на них. К 2003 г. одни полагали, что талибы выжили и проводят реорганизацию. Другие продолжали исходить из того, что Афганистан в целом безопасен и правительство может справиться с остатками сил талибов. Администрация Дж. Буша склонялась к последней точке зрения и стремилась снизить интерес к Афганистану, тем более что полным ходом шла подготовка к вторжению в Ирак. Однако в США набирали силу и те, кто считал, что терять внимание к Афганистану нельзя. Для одних он был важной geopolитической точкой, где США должны создавать постоянные военные базы с прицелом на Иран, Китай, Россию. Для других важнее была демократизаторская повестка: они хотели провести реформы в мусульманской стране и сделать ее частью Глобального Запада. В конечном счете, администрация США стала расширять военное присутствие и наращивать помощь, но далеко не в тех масштабах, которые за-прашивали сторонники и того, и другого. Число американских военных в Афганистане не превышало 30 тыс.

В 2006-2007 гг. в донесениях американских послов из Кабула рисовалась все более мрачная картина: ситуация серьезно деградирует и развитие негативных тенденций нельзя остановить за счет имеющихся ресурсов, ситуацию надо спасать. Однако администрация Дж. Буша так и не согласилась перейти на качественно новый уровень, хотя понемногу увеличивала военное присутствие и помочь. Зато программу «спасения Афганистана» принял Б. Обама. Он хотел крепко поставить Афганистан на ноги и вывести войска. Но в его администрации шли споры о конкретных действиях. Вице-президент Дж. Байден предлагал сконцентрироваться только на контртеррористических акциях, преимущественно против «Аль-Каиды». Но победил другой подход, который в противовес контртеррористическому именовался контрповстанческим. Он сводился к тому, чтобы за счет решающего преимущества в силе расширить контроль над территориями и наладить там нормальную жизнь, при этом одновременно подготовить афганских силовиков, которым можно было бы передать стабилизированный Афганистан.

Б. Обама, одобрав в марте 2009 г. такую стратегию, для ее реализации санкционировал удвоение военного контингента и назначил нового командующего, генерала С. Маккристила. Летом американский контингент немного потеснил талибов. Но к осени новый командующий составил для президента мрачный доклад, в котором допускал провал военной кампании. Предотвратить это предлагалось решительными действиями и за счет направления в Афганистан дополнительных войск (желательно их опять удвоить, то есть добавить 60 тысяч, или хотя бы 40 тысяч, абсолютный же минимум – 30 тысяч). После некоторых колебаний Б. Обама увеличил контингент на 30 тыс., но установил временные рамки для военных – они должны были переломить ситуацию за 18 месяцев, то есть к лету 2011 года, после чего президент обещал начать вывод войск. Б. Обама ничего не сказал публично о переговорах

Американское военное присутствие и инциденты в сфере безопасности в Афганистане



Источник: составлено авторами на основе *CIGAR Quarterly Report to Congress. October 30, 2021.*

с талибами, но в политических и экспертных кругах сформировалось устойчивое мнение, что с 2010 г. поиск контактов с талибами и выход с ними на переговоры становится одним из приоритетов.

2010 год не стал прорывным, как считывал Вашингтон. С увеличением американского контингента резко возросло количество боестолкновений. Но теперь талибы не убегали и не рассеивались. Они отступали, сопротивляясь и совершая многочисленные контратаки. С. Маккри сталу приходилось постоянно корректировать свои подходы.

Впрочем, 2010 год стал переломным в другом направлении: дипломаты разных стран стали устанавливать контакты с талибами. За переговоры уже давно выступал и президент Х. Карзай. В американских официальных заявлениях подчеркивалось, что США никого не просили говорить с талибами от их имени, но приветствуют контакты.

На таком фоне в американских военных, политических и экспертных кругах

стало формироваться мнение о целесообразности отсрочки вывода войск. При этом акценты стали смещаться на то, что армия нужна, прежде всего, для подкрепления переговорных позиций. В первые месяцы 2011 г. давление на Обаму нарастало, и президент, возможно, поддался бы ему. Однако в мае 2011 г. ЦРУ провело операцию по ликвидации Усамы бен Ладена, что создало атмосферу, в которой Б. Обама в июне смог начать вывод войск.

Как уже было показано выше, с течением времени американские взгляды на афганскую кампанию существенно менялись, в Вашингтоне непрерывно шли споры по афганской политике. К концу 2000-х годов в них проявился новый элемент. Стало ясно, что сформировалось сообщество из представителей различных ведомств и секторов, которые работали в Афганистане и прониклись идеями важности Афганистана для безопасности США и в целом для американской внешнеполитической стратегии. Они оперировали все теми же геополитическими соображениями, что из

Афганистана рукой подать до всех, за кем США нужно приглядывать и при необходимости «дотянуться», то есть до Ирана, России, Китая. Также утверждалось, что в Афганистане США не могут проявить слабость, поэтому его надо «тащить», чтобы другие не усомнились в американской мощи. Но главным аспектом такой позиции была уверенность, что присутствие в Афганистане помогает предотвращать крупные теракты дома, на американской земле.

Разногласия в Вашингтоне давали таким «профессионалам» все большую свободу действий. Они спорили с «центром», иногда позволяли себе замотать или прямо саботировать не нравящиеся им инструкции. Но одновременно эта позиция диссонировала с настроениями политиков. В американских политических кругах не ставился прямо, но подспудно присутствовал вопрос – а что вообще там происходит и не закончится ли это «новым Вьетнамом»? Впрочем, у «группы профессионалов» был сильнейший аргумент: а что если после вывода войск в США произойдет крупный теракт? И политики не решались взять на себя ответственность такого масштаба, предпочитая оставить ее профессионалам. Разногласия такого рода имели место на втором президентском сроке Б. Обамы, который так и не решился полностью вывести войска из Афганистана. К концу 2014 г. США сократили свой контингент до примерно 10 тысяч.

До 2015 г. талибы полностью контролировали лишь незначительные районы, но присутствовали почти по всей стране. Их система власти действовала в основном подпольно. С 2015 г. контроль правительства над территорией страны стал стремительно сокращаться: в конце года – не более 70%, к концу 2016-го – 57%. На таком фоне в 2017 г. президент Д. Трамп, который заявлял о намерении вывести войска из Афганистана, наоборот, их немного увеличил. Но вскоре талибы вновь стали наступать. В 2018 г. власть правительства сжалась до 54% территории и до 63% населения. До-

бившись после 2015 г. прямого контроля над значительной долей территории и населения, талибы установили, по сути, параллельную открытую власть. Впрочем, было принято указывать, что талибы берут под свой контроль менее населенные районы, а правительство контролирует более населенные, в том числе все крупные города. Из этого делалось предположение о невозможности полного захвата талибами страны. Но признавалось, что и правительство не может переломить ситуацию. Этим обосновывались призывы к переговорам.

В конце 2018 г. Д. Трамп назначил спецпредставителя, посла З. Халилзада, для переговоров с талибами. Еще в 2013 г. в Дохе был открыт политический офис талибов, через который они контактировали с иностранными представителями, однако на полноценные прямые переговоры с американцами выйти долгое время не удавалось. К тому времени оптимизм образца 2010 г. по поводу переговоров с талибами прошел. Поначалу казалось, что главная проблема – отсутствие переговоров как таковых, а если их начать, то выйти на договоренности будет вполне возможно. Однако талибы оказались трудными переговорщиками. Несколько лет их пытались склонить к переговорам с афганским правительством. Такие встречи проходили. Но талибы считали, что окончательные договоренности могут быть только с США.

В конце концов, Вашингтон согласился на прямые переговоры. В феврале 2020 года в Дохе было подписано соглашение, которое сводилось к тому, что американцы должны до мая 2021 г. вывести войска, а талибы гарантировали, что с их территории не будет исходить террористическая угроза США. Предусматривалось также начало межафганских переговоров (но без конкретики). Дохийское соглашение подвергалось критике. И после избрания Дж. Байдена склоняли к продлению военного присутствия. Споры по этому поводу затянулись до апреля 2021 года, когда Байден, наконец, официально заявил о

выводе войск из Афганистана (правда, не к маю, а к 11 сентября, потом срок подвинули на 1 сентября).

Существуют различные трактовки того, что и как происходило вокруг афганского вопроса в конце весны и летом 2021 года. Сейчас некоторые полагают, что президент А. Гани вступил в сговор с талибами и сдал им власть. Другие проводят мысль о некоем сговоре между российской, пакистанской, американской и британской разведками, которые якобы «слили» А. Гани и позволили талибам захватить власть. Подобные версии, естественно, не верифицируемы. Больше оснований считать, что события развивались гораздо прозаичнее.

Американцам нужно было уйти из Афганистана организованно, без открытого позора, так, чтобы сразу после этого не наступил хаос, не рухнула вся государственно-политическая система. Поэтому было важно, чтобы какие-то межафганские договоренности состоялись, и чтобы было сформировано компромиссное, коалиционное правительство с участием талибов. Оно сохранило бы легитимность, международное признание и внешнюю донорскую помощь.

Контуры разменов казались очевидными. В активе талибов – сила, но без признанной легитимности. У А. Гани ровно наоборот – международное признание без реальной силы. Но афганский президент давал понять, что на уступки не пойдет и договариваться намерен на своих условиях. Талибы и так не хотели вести эти переговоры, а в таких рамках – тем более.

При этом А. Гани не делал ничего, чтобы реально усилить свои переговорные позиции. С июня афганский спецназ перестал проводить операции в провинциях. Без американской военно-транспортной поддержки спецназ стал попадать в засады, из которых его не могли эвакуировать. Поэтому элитных бойцов сконцентрировали в городах. Талибы стали свободно занимать территории. Впрочем, у военно-политических лидеров в северных и западных провинциях еще сохранились собственные боевые от-

ряды. Плюс на фоне наступления талибов непуштунские общины (прежде всего таджики, узбеки и хазарейцы) стали собирать народные дружины. Эти силы были готовы хотя бы локально воевать с талибами. Но правительство А. Гани их одергивало.

В связи с этим встает справедливый вопрос – что за игру вел президент? Возможно, он действительно грезил тем, что удержит крупные города и талибы осознают, что им все-таки нужно с ним договариваться на равных. Но возможно и то, что А. Гани пытался сыграть на ухудшении ситуации и вынудить президента Дж. Байдена изменить решение о выводе войск в связи с чрезвычайностью складывавшейся обстановки, то есть, по сути, шантажируя американцев.

По всей видимости, попытки достичь договоренностей о компромиссном правительстве в Кабуле продолжались до начала августа. Но А. Гани завел их в тупик. Тогда талибы быстро взяли под контроль внешние границы страны и крупные города, а 15 августа вошли в Кабул.

А. Гани и его правительство бежали. Из Кабула эвакуировалось большинство посольств. Американцы до конца августа вывозили свой контингент и дружественных афганцев. Афганские авуары за рубежом были заморожены, страну отключили от международных платежных систем. Прекратилось регулярное авиасообщение.

В первые недели были надежды на быстрый выход из сложившегося положения. В Кабуле остались бывший президент Х. Карзай и бывший глава исполнительной власти (аналог премьер-министра) А. Абдулла. Ождалось, что с их помощью удастся выработать политico-юридические схемы, обеспечивающие преемственностьластной конструкции и соответственно передачу талибам легитимности и международного признания. Но эти попытки провалились. В начале сентября талибы «перезапустили» афганскую государственность на новых началах (Исламский эмирят) и сформировали свое правительство.

«Талибан»: эволюция движения и его современные позиции

Движение «Талибан» возникло в 1994 г. как преимущественно пуштунское в ответ на хаос и самоуправство полевых командиров повстанческого движения, которые считали себя героями-победителями в борьбе с советским присутствием в Афганистане. Эти командиры, свергнув в 1992 г. режим Наджибуллы, вступили в конфликт между собой. Центральным элементом программы талибов было наведение элементарного порядка, что в целом находило отклик у простых афганцев.

Такая нормализация смешивалась с этнополитическими проблемами. Среди полевых командиров было множество таджиков, узбеков, хазарейцев. И потому сформировалась установка, согласно которой именно пуштуны как государствообразующий этнос Афганистана, из числа которых традиционно и формировалась власть, должны взять на себя миссию наведение порядка. Такая позиция значительной частью непуштунов воспринималась как шовинизм, которому они были готовы сопротивляться. Вскоре после прихода к власти талибов возник Северный альянс, объединивший полевых командиров – в основном таджиков, узбеков и хазарейцев, хотя были в нем и пуштуны. Началось сопротивление распространению власти талибов на северные и западные районы страны.

Талибы были исключительно религиозны и консервативны. И все же главным для них было не возвращение к истокам ислама как таковое, а установление в Афганистане порядка, при котором общественные и личные вопросы регулируются богословами и муллами. Опираясь на поддержку пакистанских спецслужб, талибы достаточно успешно действовали в военном плане и в 1996 г. захватили Кабул.

Период их правления в Афганистане в 1996-2001 гг. остался в исторической памяти

с жирным знаком минус. Были установлены традиционные пуштунские порядки, резко контрастировавшие с нормами современности. Женщин ставили в зависимое от мужчин положение, им запрещалось работать и появляться на людях без паранджи и без сопровождения мужчины. Ограничивалось образование (девочек не пускали в школу вовсе), были запрещены музыка, телевидение, игры, спорт. Притеснялись национальные меньшинства, особенно шииты-хазарейцы. За нарушение запретов практиковались жестокие наказания: публичные казни, отрубание конечностей. К тому же талибы вынашивали экспансионистские планы. В кабинете духовного лидера талибов муллы Омара висела карта, где границы Исламского эмирата Афганистан простирались даже на российскую территорию. Талибы помогали террористам в Чечне и даже установили с Ичкерией «дипотношения». Они также предоставили убежище многим сторонникам «Аль-Каиды» во главе с Усамой бен Ладеном.

После американского вторжения в 2001 г. талибы в течение 20 лет вели повстанческую борьбу и за этот период испытали определенную эволюцию.

В 2000-2010-е годы война для талибов из гражданской превратилась в национально-освободительную. Своими главными врагами они считали не внутриафганские силы, а иностранцев, которые вторглись на афганскую землю. Постепенно такое понимание войны принималось все большим числом афганцев. Соответственно стала существенно расширяться и социальная база талибов. К ним примыкало все больше непуштунов, правда, в основном, они оказывались в военных структурах талибов (и даже занимали в них высокие посты), а не в идеологических. Талибы поддерживали обширные связи в исламском мире, много общались с джихадистами. Более того, они контактировали с

официальными представителями не только мусульманских стран, но также США и европейских государств.

Практически все специалисты признают отсутствие монолитности в рядах талибов, что проявляется сразу в нескольких измерениях. Основная их часть в идеологическом плане ориентируется на пуштунский кодекс и деобандизм, но появились и те, кому ближе ваххабитские взгляды, а другим – идеи братьев-мусульман. Некоторые талибы видят себя частью общенационального движения, другие – воинами-джихадистами, третьи – пуштунскими националистами. Имеют место зазоры во взглядах старшего поколения и молодежи, а также противоречивые обязательства перед внешними партнерами. Одни талибы ориентируются на пакистанскую помощь, другие – на катарские или саудовские деньги (подчеркнем, не обязательно официальные, государственные). Определенные различия существуют и между двумя наиболее влиятельными структурами движения – Кветта-шурой и Пешавар-шурой. Первая отвечала за борьбу на юге, западе и северо-западе страны, а вторая – за восток и север. По всей видимости, существуют и некоторые зазоры по племенной линии, а именно традиционное у пуштунов соперничество между племенными объединениями дуррани и гильзаев. Впрочем, последнее, скорее, является фактором производным от разницы во мнениях между наиболее авторитетными фигурами талибов, а таковыми сейчас считаются Хаккани, Барадар и Якуб.

Фракция Хаккани, опирающаяся на Пешавар-шуру, контролирует часть силового блока, в частности МВД. Эта фракция наиболее близка воинам-джихадистам, к ней тянутся и те, кому близки ваххабитские идеи. Ее главные внешние партнеры – Саудовская Аравия и Пакистан. Прочные связи у фракции Хаккани с «Аль-Каидой». Насколько можно судить, именно эта фракция занимает наиболее жесткие позиции по внутренним и внешним вопросам. Имея сильное представительство в центральном правительстве, она также уделяет особое внимание некоторым районам страны. Хак-

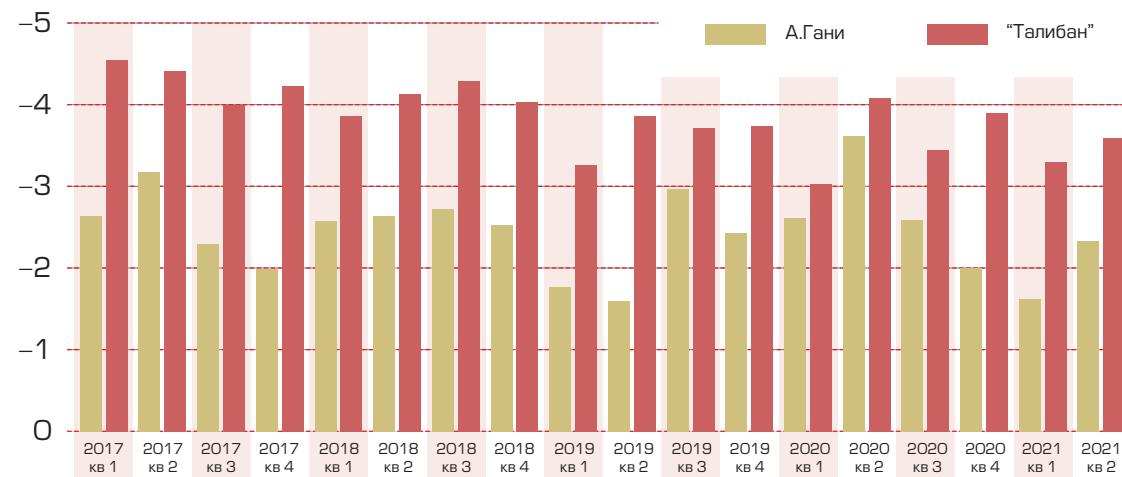
кани настаивал на наделении его правом назначать губернаторов в пяти провинциях на востоке; есть также предположения, что он проявляет повышенный интерес к Бадахшану на северо-востоке.

Фракция Якуба контролирует другую часть силового блока – министерство обороны. Ее основным внешним партнером является Пакистан. Якуб – сын основателя движения, муллы Омара. Он сам претендовал на лидерство в организации, но не был избран. По всей видимости, на него ориентируется «старая гвардия» талибов, те, кому ближе изначальные идеи с опорой на пуштунский кодекс и деобандизм. Насколько можно судить, Якуб занимает умеренные позиции по внутренним и внешним вопросам и опирается внутри движения на выходцев из Кветта-шуры.

Барадар также опирается на членов Кветта-шуры. Именно он был основным переговорщиком в последние годы с иностранными представителями, в том числе подписывал соглашение 2020 г. с американцами. На этом основании его считают наиболее умеренным из лидеров талибов, стремящимся к налаживанию сотрудничества с международным сообществом. Однако затягивание нормализации отношений с внешним миром может подорвать позиции Барадара внутри правительства. Против него работает и то, что в отличие от Хаккани и Якуба, которые внесли вклад в военные победы талибов, Барадар «героем» войны не является.

Часть экспертов считает, что противоречия между талибскими фракциями будут нарастать, и «радикалы-ястребы», Хаккани в первую очередь, будут вести себя все более напористо, могут даже вступить в сговор с находящимися на территории Афганистана международными террористическими группировками и отодвинуть от власти «умеренных». Однако пока больше оснований полагать, что талибы уже выработали навыки взаимодействия в условиях постоянного наличия противоречий, и ни одна из фракций не будет предпринимать решительных действий против другой, хотя борьба по перетягиванию властных полномочий и ресурсов,

Тональность публикаций в мировых СМИ о А. Гани и движении "Талибан"



Источник: составлено авторами по базе данных GDELT.

конечно, будет носить перманентный характер. Несмотря на разногласия и нередкие противоречивые заявления, талибы смогли сформировать правительство, возобновить работу органов власти и выработать позиции по ряду вопросов внутренней жизни и по внешним сношениям.

Талибы выражают полное неприятие вооруженного сопротивления их власти. Когда в Панджшере в сентябре 2021 г. возникло сопротивление, которое по некоторым оценкам ставило целью не свержение власти талибов, а оказание на них давления, чтобы они включили своих политических соперников в правительство, талибы не вступали с ними ни в какие переговоры, разговаривали в ультимативном тоне и, в конечном счете, рассеяли их. Это был внятный сигнал остальным несогласным. В тоже время талибы заявляют, что не собираются ни с кем сводить счеты, для подтверждения чего объявили амнистию бывшим силовикам.

Талибы вновь ввели многие архаичные социальные нормы – под запретом музыка и спортивные игры. Но по наиболее чувствительным для международного сообщества социальным вопросам внутренней жизни талибы заняли промежуточные позиции. Права женщин не ущемляются в той мере, в какой это было во второй половине

1990-х, но все-таки введены ограничения: появление на людях только в парандже (но не обязательно в сопровождении мужчины), девочкам разрешили учиться (но официально только до 6-го класса и раздельно с мальчиками).

Во внешнеполитическом плане талибы заявляют о желании наладить нормальные отношения с международным сообществом. Они уважительно относятся к тем диппредставительствам, которые остались в Кабуле⁵, а с остальными иностранцами охотно контактируют через офис в Дохе (к началу декабря 2021 г. проведено не менее 12 встреч с американскими, европейскими и азиатскими дипломатами). Делегации талибов посетили Москву и Анкару, несколько иностранных делегаций были в Кабуле, идет активное сотрудничество с ООН. Талибы неизменно публично и в контактах с иностранными представителями подтверждают, что с территории Афганистана не будут исходить угрозы другим государствам, а также декларируют намерение бороться с наркотиками. Со своей стороны, новое правительство постоянно ставит вопрос о признании, налаживании контактов и размораживании авуаров Афганистана в зарубежных странах, а также об отмене международных санкций в отношении талибов.

⁵ На конец 2021 г. работали посольства России, Китая, Пакистана, Ирана, Турции, Туркменистана, Узбекистана, Саудовской Аравии и Катара.

Пост-американский Афганистан: опасения, надежды, реальность

Резко негативная историческая память в отношении талибов столкнулась с настроениями усталости мирового сообщества от проекта построения нового, современного Афганистана. В результате, после повторного прихода к власти талибов в августе 2021 года, в мировых СМИ и экспертных дискуссиях перемешивались одновременно и надежды, и страхи. Одни продвигали тезисы, согласно которым талибы изменились, они учли ошибки прошлого. Другие настаивали, что талибы все те же, если не хуже.

За первые пять месяцев нахождения у власти талибы не смогли в полной мере оправдать ни надежд одних, ни страхов других. То, что происходит «на земле» противоречиво. В Кабуле и в стране в целом установился определенный порядок. В сельской местности текущая жизнь вообще не сильно поменялась, а в городах она быстро вошла в привычное для большинства простых людей русло. Мелкий и средний бизнес даже в какой-то степени с надеждой смотрел на талибов: чиновники прозападного правительства славились коррупцией и беспринципностью, у талибов же репутация людей очень лояльных к бизнесу. Талибы смогли быстро обуздать криминал и общую нестабильность. Люди могут вести обычную жизнь. Установленные талибами социальные и бытовые стандарты, конечно, выглядят диковато для людей, прошедших через западную систему образования, но с ними вполне уживается большинство простых афганцев.

По наиболее знаковым для мирового общества вопросам талибы не вернули в полной мере порядки, имевшие место в 1996-2001 годах. После некоторых колебаний они разрешили продолжить обучение по старым программам в университетах, в том числе завершить обучение девушкам-

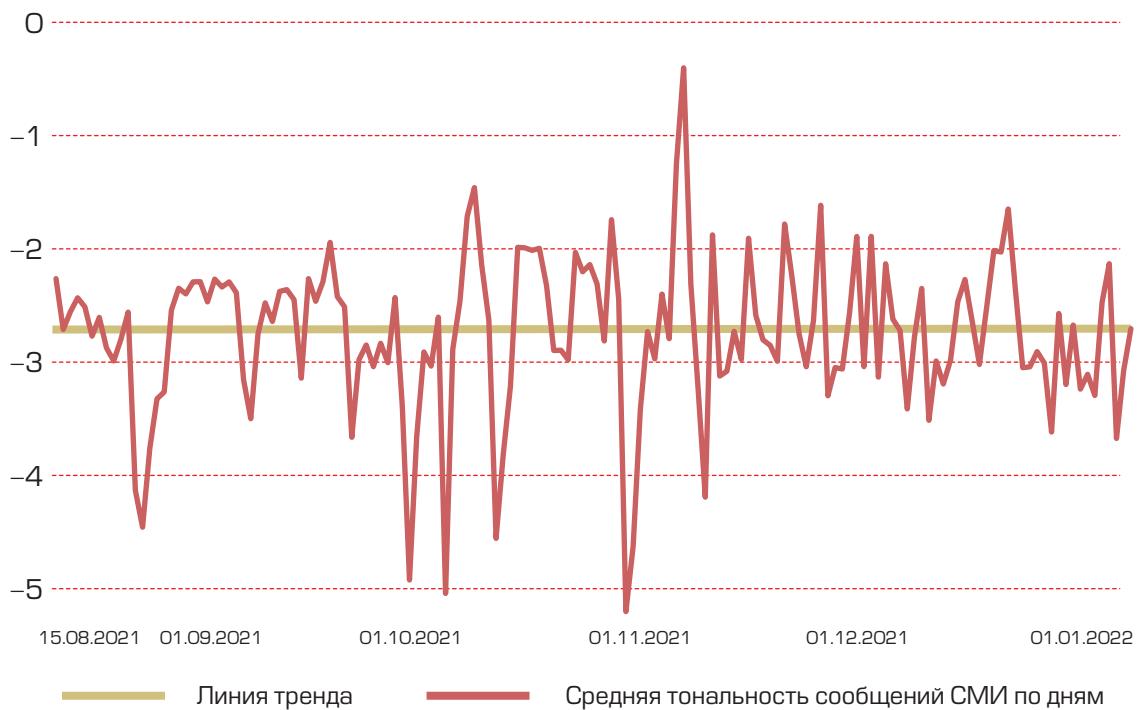
студенткам. Талибы не ввели тотальной цензуры, сохраняются элементы плорализма. В сентябре в Кабуле, Герате, Джелалабаде неоднократно проходили митинги и демонстрации гражданских активистов, в том числе женщин, которые протестовали против вводимых талибами социальных правил. Талибы проявили выдержку и не предприняли против них грубую силу. Постепенно протестная волна сошла на нет (в основном сама собой, хотя были сообщения о запугивании гражданских активистов со стороны талибов). Продолжают работать некоторые печатные и электронные СМИ, иногда дается слово оппозиционерам-эмигрантам. Талибы не отключили интернет и сотовую связь, у людей в целом есть и доступ к внешним источникам информации, и связь с внешним миром.

Нет достоверных данных о системной карательной политике в отношении групп населения. Многие сообщения о зверствах талибов (а вал таковых во второй половине августа и сентябре распространялся в интернете и социальных сетях, в том числе видеороликов) при более тщательной проверке оказались фейковыми. Более того, талибы объявили амнистию для бывших силовиков, а гражданских служащих призвали вернуться в министерства и ведомства для продолжения работы.

При определенном позитивном настроении можно увидеть плюсы и в том, что движение «Талибан» и его правительство не монолитны, там имеются разногласия и споры, что в целом можно считать некой системой сдержек и противовесов.

Наряду с позитивным взглядом на талибов есть и негативный. Прежде всего указывают на случаи показной жестокости и публичные казни. При том, что таковые не носят системного характера и, насколько можно судить, не санкционированы талиб-

Тональность публикаций о «Талибане» в мировых СМИ после 15.08.2021



Источник: составлено авторами по базе данных GDELT.

ским правительством, все-таки их нельзя считать и локальными перегибами. Такие случаи показывают настрой определенной части социальной базы талибов, их командиров и рядовых бойцов, то есть это то, как они хотели бы и считают правильным делать. Талибы не санкционируют и не поощряют такие действия, но одновременно нет оснований говорить, что они за это строго наказывают.

Из разных частей страны приходят сообщения о преследованиях и репрессивных действиях со стороны талибов. Они ищут знаковые на местном уровне антиталибские фигуры, силовиков прежнего правительства. Из-за этого множество афганцев вынуждены скрываться. Есть сообщения о давлении на оставшихся в стране родственников антиталибских политиков-эмигрантов.

Установленные талибами социальные нормы и методы их поддержания (пусть и с некоторыми послаблениями), а также наказания за их нарушение архаичны. Даже если они принимаются большинством насе-

ления в силу традиции, страха или малограмотности, в Афганистане остаются десятки, если не сотни тысяч людей, привыкших к более современным социальным стандартам, для них талибские порядки являются репрессивными. Послабления в наиболее значимом женском вопросе не перевешивают негатив общего подхода талибов. Женщина социально не равна мужчине, для нее действуют особые нормы и ограничения, в том числе на образование и участие в общественно-политической жизни. А значит, в перспективе социальные стандарты для женщин будут еще снижены.

Организация политической власти остается непрозрачной, малопонятной. Талибы делают противоречивые заявления относительно статуса и инклюзивного характера сформированного в сентябре правительства. Но все выглядит так, что они не согласны с внешними требованиями об инклюзивности. Талибы не будут спорить по этому вопросу, а скорее будут его замалчивать. Нет признаков того, что талибы собираются проводить выборы. Также нет

признаков движения в сторону создания основного закона (конституции).

Сейчас верховная власть в стране фактически принадлежит движению «Талибан». Его руководящий совет сформировал правительство. Но как тот или иной деятель попал в этот совет? Как поддерживается их авторитет? Как будет происходить ротация, а в перспективе и смена поколений в его составе? На все эти вопросы нет ответов. В сухом остатке: нынешний режим с политической точки зрения – это пока узурпация власти главным образом за счет фактора силы.

На фоне миролюбивых заявлений «Талибан» проявляет враждебность, по крайней мере, к одной стране-соседу – Таджикистану. К его границам стягиваются боевики, а талибское правительство делало достаточно воинственные заявления в адрес Таджикистана.

На базе позитивных и негативных оценок к происходящему сформировались два основных подхода. Один состоит в том, что в целом талибы ведут вполне разумную и приемлемую с точки зрения международных стандартов политику. Негативные проявления – это исключения, и они носят временный характер. Талибов, соответственно, надо поощрять к дальнейшим позитивным действиям за счет сотрудничества, а не изолировать.

Другой подход состоит в том, что в первые месяцы талибы маскировали свое истинное лицо (либо стараясь не давать лишних поводов для сопротивления внутри страны, либо стремясь понравиться международному сообществу), но дальше они будут все больше «закручивать гайки», а «перегибы» станут нормой.

Значительная часть экспертных и политических дискуссий по афганскому вопросу во второй половине 2021 г. шла в рамках такой дилеммы и сводилась к ожиданию и обоснованию либо положительной, либо отрицательной динамики.

Однако есть основания полагать, что двойственность в политике талибов сохранится и дальше. В разных частях страны

общие правила талибского правительства трактуются и исполняются по-разному. Например, в Герате и Мазари-Шарифе девочки посещают все классы школы (несмотря на предписание центрального правительства, разрешающее им обучение только до 6 класса). По некоторым данным, девочки также полностью посещают школу в провинциях Забуль, Кундуз, Сари-Пуль, Бамиан и Гор. В Кабуле возникают частные школы на дому (и, несмотря на их подпольный характер, желающих учиться много), где тоже не соблюдаются установленные нормы. В некоторых населенных пунктах, наоборот, появляются листовки от имени представителей местной талибской власти, вводящие более строгие, чем центральные, правила в части внешнего вида и поведения, причем как для мужчин, так и для женщин. Нельзя сказать, что такие отступления от нормы происходят строго по территориальному признаку. Наблюдается, разница в правилах внутри отдельных провинций, а также городов. В бедных районах правила трактуются строже, в зажиточных – мягче.

Теоретически все это также можно считать временными явлениями, пока талибы не наладили полноценную систему управления. Например, послабления можно объяснить тем, что талибы не хотят провоцировать недовольство и поэтому пока идут на уступки. А локальные ужесточения можно представлять как местные перегибы, опять же временные. Но вполне возможно, что все это постепенно станет явлением постоянным, и в дальнейшем будет проявляться во всё большей степени.

Отклонения от установленных центральным правительством норм могут приниматься талибскими представителями в силу взаимодействия с местными муллами и общинами. К тому же местные властные органы, по всей видимости, будут представлять не только центральное талибское правительство в целом, но и какую-то конкретную его фракцию, и поэтому будут склонны к трактовке указов центрального правительства, во многих случаях компромиссных, в соответствии с линией своей фракции.

Подходы основных глобальных и региональных игроков

МИД России



Делегация «Талибана» на переговорах в Москве, 20 октября 2021 года

В отношении талибского Афганистана были попытки выработать общий подход мирового сообщества. 17 сентября 2021 г. была принята резолюция 2596 Совета Безопасности ООН, в которой были перечислены вопросы, вызывающие озабоченность после прихода к власти талибов: проблемы терроризма, гуманитарный кризис, инклюзивное правительство, права человека, территориальная целостность. Большинство стран мира учитывают эти пункты, хотя во многом по-разному расставляют акценты. Сама ООН продолжает работу в Афганистане. Ее сотрудники отмечают много негативных моментов в деятельности талибского правительства, однако подчеркивают, что оно готово к сотрудничеству и призывают это сотрудничество продолжать.

Государства Запада. США заняли умеренно критическую позицию в период прихода талибов к власти в августе 2021 года. Они явно не приветствовали такое развитие событий, но не хотели обострять отношения с талибами, так как продолжали вывозить свой контингент, на что наложилась и эвакуация примерно 75 тыс. афганцев, сотрудничавших с США. Поэтому на практическом уровне было необходимо взаимодействие с талибами.

В более широком плане Вашингтон намерен продолжать борьба с терроризмом на афганской земле, оказывать стране гуманитарную помощь и способствовать соблюдению прав человека, а также продолжать, легально и нелегально, вывозить оставшихся в Афганистане «своих людей». Возможность признания талибского режима США не от-

вергают в принципе, но откладывают таковое на неопределенную перспективу и ставят для этого неопределенные условия (делают заявления, что надо смотреть на дела, а не на слова талибов). Американцы рассматривали возможность практического взаимодействия с талибами в деле борьбы с ИГИЛ⁶, однако талибы отказались. В целом, США готовы к контактам с талибами (в октябре в Дохе встречались американская и талибская делегации), но таким образом, чтобы это не ассоциировалось с политическим признанием. При этом американцы хотят действовать на афганской территории и без взаимодействия с талибским правительством: в контртеррористическом плане – наносить удары дронами (что регулярно делается), а в гуманитарном – предоставлять помощь через неправительственные каналы.

Похожую позицию занимают и ведущие европейские государства. Правда, они не готовы к самостоятельным контртеррористическим действиям на территории Афганистана. При этом Германия готова идти дальше США в практическом взаимодействии с талибами. Немецкая делегация не только встретилась с их представителями в Дохе в октябре 2021 года, но и посетила Кабул в ноябре. Франция же, как это ей свойственно, сильнее акцентирует ценностное измерение негативного отношения к талибской власти. Франция более определенно дает понять, что вопрос полноценного признания талибов не стоит на повестке дня, но Париж тоже признает необходимость контактов с талибами. С осени 2021 г. ходят слухи о рассмотрении во Франции и Германии возможности возвращения дипломатов в Кабул. Все обозначенные моменты имеют место и в позиции Евросоюза. При этом ЕС сильнее, чем на национальном уровне, акцентирует проблематику беженцев. Европейцы, с одной стороны, по морально-ценостным соображениям требуют от талибов выпустить из Афганистана тех, кто не может примириться с их властью (подразумевая при этом, прежде всего, образован-

ные слои), а с другой – опасаются неконтролируемого миграционного потока.

К прагматичному подходу склоняется и Великобритания, представители которой уже 1 сентября 2021 г. встретились в Дохе с правительственной делегацией талибов и затем провели еще одну встречу в октябре. Лондон повторяет общие для западных стран позиции по ключевым проблемам, но на практике стремится наладить хороший канал контактов с талибами.

Индия, выстраивавшая в последние два десятилетия тесные отношения с прозападным режимом в Кабуле, которые давали ей дополнительные возможности в отношениях с Пакистаном, Ираном, со странами Центральной Азии и вообще в региональной политике, разочарована потерей своих позиций в Афганистане. Дели обеспокоен усилением роли Пакистана в этой стране. В первые недели после прихода к власти талибов индийские эксперты, казалось, делали ставку на возникновение серьезного внутреннего сопротивления талибам, и звучали голоса в поддержку таких сил. Когда же стало понятно, что мощного сопротивления талибам нет, в Индии возобладал прагматический подход, направленный на выстраивание контактов с «Талибаном». Расчет делается на получение определенных рычагов для сдерживания негативных для Индии вариантов развития ситуации, а также на возможность поддерживать умеренные силы в талибском руководстве. Дели, естественно, не будет форсировать признание талибов, но воздержится от выпячивания своих антиталибских санкций. Индия намерена действовать в духе превалирующего международного подхода (особенно западной его части) к талибскому Афганистану.

Иран долгое время стоял на антиталибских позициях, поскольку был не готов смириться с их жесткой линией в отношении шиитов и таджиков – своих традиционных партнеров в Афганистане. Однако негативные аспекты американского военного присутствия постепенно перевесили антиталиб-

⁶ Террористическая организация, запрещенная в России.

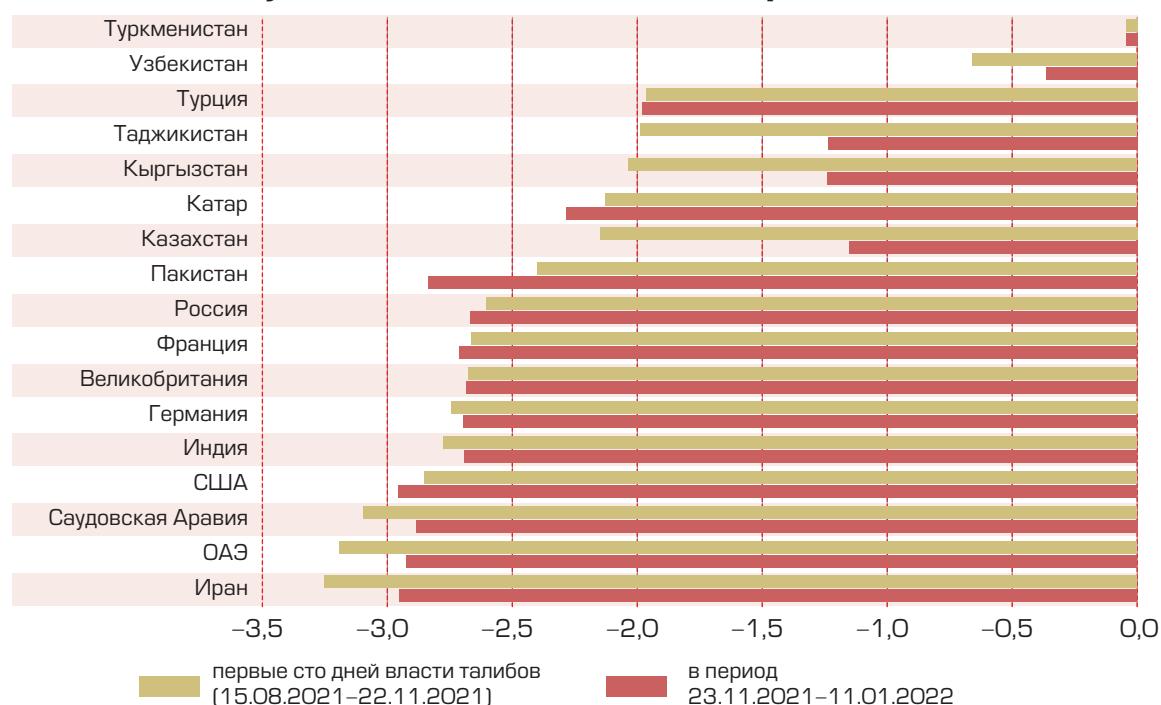
ский настрой Тегерана. И в августе 2021 г. Иран позитивно воспринял коллапс присутствия США. Критический подход иранцев в отношении действий талибов по подавлению сопротивления в Панджшере не изменил их общий настрой – дать талибам шанс. Иран рассчитывает, что талибы будут проводить разумную внутреннюю (без репрессий в отношении ориентирующихся на ИРИ слоев) и внешнюю политику. Поэтому делаются заявления, нацеленные на установление конструктивных взаимных отношений. По всей видимости, Иран будет сохранять какие-то страховочные варианты на случай, если надежды не оправдаются, но пока не акцентирует это.

Китай поддерживал усилия США и их союзников на всем протяжении их присутствия в Афганистане, а в последние годы в определенной мере содействовал усилиям по мирным переговорам с талибами. Однако Пекин никак не намерен разделять какую-либо долю ответственности за последствия коллапса прежней власти в стране. Поэтому КНР активно взаимодействует с правительством талибов, в том числе через свое посольство в Кабуле; не только оказывает гуманитарную

помощь, но и продолжает обсуждение экономических и инфраструктурных проектов. Впрочем, форсированная реализация таких проектов пока маловероятна. Китай получил от талибов заверения в том, что афганская территория под их контролем не будет представлять для Китая террористическую угрозу. Талибы также предприняли некоторые практические шаги в этом направлении: уйгурские группировки были передислоцированы подальше от афгано-китайской границы. В целом Китай не готов к быстрому признанию талибов и ждет от них соблюдения китайских интересов.

Государства Центральной Азии. В период обострения ситуации в Афганистане перед падением правительства А. Гани Узбекистан провел военные учения совместно с Россией и Таджикистаном недалеко от афганской границы. При этом Ташкент неоднократно получал заверения талибов в их дружественных намерениях. После распада режима А. Гани Узбекистан оперативно вступил в рабочие отношения с новыми властями (еще до формирования правительства талибов) и после небольшого перерыва открыл границу для торговых операций. Кабул несколько

Тональность публикаций о «Талибане» по странам



Источник: составлено авторами по базе данных GDELT.

раз посетил спецпредставитель Узбекистана по Афганистану; нанес визит и министр иностранных дел Узбекистана. Представители РУ возобновили с Кабулом диалог по основным направлениям двусторонних отношений, главным образом по торговым вопросам, а также по строительству железной дороги через Кабул на Пешавар с дальнейшим выходом к пакистанским портам (этому проекту в Узбекистане придают стратегическое значение). Узбекистан склонен доверять талибским заверениям об отсутствии намерения экспортировать в регион свою внутреннюю модель и, формально поддерживая требования западных государств к Кабулу, выступает против давления на него. Проявляя взаимный интерес к сотрудничеству, обе стороны не акцентируют внимания на проблемных вопросах, таких как долги Афганистана за поставки электроэнергии и судьба афганской военной техники (перед падением прежнего режима афганские летчики самовольно перегнали в Узбекистан почти все истребители BBC Афганистана).

Туркменистан, стараясь не привлекать к себе международного внимания, как это делает Узбекистан, также проводит курс на установление дружеских отношений с талибским правительством. Министр иностранных дел страны посетил Кабул с солидной делегацией и был принят премьер-министром талибов. Ашхабад также рассчитывает форсировать реализацию своих крупных проектов, среди которых приоритетный – газопровод транзитом через Афганистан в Пакистан и Индию. Туркмения оставляет все внутренние вопросы в Афганистане на усмотрение талибского правительства, не комментирует их и не выдвигает к талибскому правительству каких-либо требований.

На совершенно другие позиции встал Таджикистан. Он резко негативно воспринял приход талибов к власти. В Душанбе поддержали (как минимум морально) движение сопротивления, которое в сентябре возникло в Панджшере. В этой стране нашли убежище многие таджикские политики предыдущего афганского режима. Таджикистан пытался выступить посредником в

организации переговоров талибов с оппозиционными силами о заключении соглашения о коалиционном правительстве, однако талибы уклонились от этого. Проходят сведения о содействии со стороны Таджикистана оппозиционным талибам афганским политикам и полевым командирам в создании ими единой платформы, чему, однако, препятствуют их внутренние противоречия. В заявлении на высшем и высоком уровне Таджикистан постоянно акцентирует внимание на негативных аспектах деятельности талибов, с большой настороженностью относится к миролюбивым заявлениям талибов и считает необходимым готовиться к агрессии с их стороны. Талибы, действительно, делают воинственные заявления в адрес Таджикистана, правда, объясняют их попытками Таджикистана вмешиваться в их внутренние дела. Обе стороны укрепляют свои силовые возможности в приграничных районах.

Казахстан сразу после смены власти в Кабуле акцентировал внимание на проблемах безопасности. Позже в Нурсултане было признано, что талибы – это реальность, с которой следует считаться: казахстанское посольство в Кабуле начало устанавливать контакты с талибским правительством, в октябре казахстанская делегация посетила Кабул, а в официальных заявлениях все больше акцентировались вопросы торговли и оказания Афганистану гуманитарной помощи. Однако на фоне трагических событий января 2022 года власти Казахстана вновь стали акцентировать проблематику безопасности в связи с Афганистаном: было объявлено, что среди участников беспорядков были боевики-террористы, в том числе прошедшие подготовку в Афганистане.

Официальный Бишкек также сместил акценты на торговлю и гуманитарные вопросы после первоначальных заявлений, в которых акцентировались проблемы безопасности.

Ближневосточные монархии. Саудовская Аравия разделяет общие положения позиций западных государств и присоединяется к ожиданиям умеренной политики от

талибского правительства. Правда, в одних заявлениях об этом говорится более жестко (вплоть до указания, что мировое сообщество найдет способ призвать талибов к ответу в случае нарушения ими своих обязательств), а в других предлагается оставить внутренние вопросы развития страны на усмотрение самих афганцев. Можно ожидать, что именно последний подход и станет основным для Саудовской Аравии.

Поначалу в позиции ОАЭ была некоторая двойственность. Страна стала важным каналом эвакуации западными государствами сотрудничавших с ними афганцев. В ОАЭ выехали также многие деятели прежнего режима. Одновременно ОАЭ оставили в Кабуле посольство и налаживали с отношения с талибами. Последняя линия постепенно взяла верх. Представителям прежнего режима запретили высказываться, хотя они и остаются в стране. ОАЭ фактически признают право талибов на определение внутренней и внешней политики Афганистана и выступают против давления на талибов извне. ОАЭ представляют талибскому режиму помощь.

Катар видит Афганистан как один из удачных примеров своих усилий по превращению в модератора мирового значения, добрые услуги которого ценят все стороны. Катар был крупнейшим каналом для эвакуации из Афганистана, чем ощутимо помог западным странам. Одновременно именно в Дохе талибы имеют пока единственное свое полноценное представительство, через которое общаются с иностранными делегациями. Катар оставил посольство в Кабуле и высказывается в пользу того, чтобы сотрудничать с талибами, а не оказывать на них давление. Рассматривается и вариант, при котором Катар в сотрудничестве с Турцией и, возможно, ОАЭ возобновит регулярную работу кабульского аэропорта.

Турция была участником международной коалиции и активно пропагандировала свой вклад в построение «нового Афганистана». Летом 2021 г. США рассматривали вариант, при котором после вывода американских войск именно турецкие военные взяли бы на себя охрану кабульского аэропорта в инте-

ресах правительства А. Гани. У талибов эти планы вызвали резко негативную реакцию; они посчитали, что это будет нарушение дохийского соглашения с США, по которому иностранные военные должны покинуть Афганистан. Однако после прихода талибов к власти неопределенности во взаимоотношениях между сторонами были преодолены и в октябре в Анкаре приняли делегацию талибов. Турция выступает против давления на них и вмешательства в их внутриполитический курс. Теперь уже само талибское правительство заинтересовано в том, чтобы Турция в сотрудничестве с Катаром возобновила нормальную работу аэропорта. Анкара не готова к формальному международному признанию талибского правительства, но и не хочет из-за этого ограничивать свое практическое взаимодействие с ним.

Пакистан на нынешнем этапе существования режима талибов имеет наибольший объем взаимодействия с Кабулом на разных уровнях, активно оказывая ему практическую и весьма востребованную помощь в налаживании нормальной жизни. Одновременно Исламабад выступает в качестве основного лоббиста новых афганских властей как на международной, так и на региональной арене, рассчитывая при этом на стратегическое закрепление своего традиционного влияния в Афганистане. Пакистан – единственная в современных условиях страна, где во внутренних дискуссиях звучат значимые призывы к правительству незамедлительно признать талибскую власть официально. Пакистан не заинтересован в международной изоляции Кабула и усугублении внутреннего социально-экономического положения в Афганистане. Поэтому он стремится подвигнуть талибов к разумному учету международного мнения и в своей официальной позиции повторяет общие для международного сообщества тезисы. Вместе с тем, на фоне многолетних тесных связей талибов с Исламабадом между ними сохраняются и острые спорные вопросы, которые, в частности, будут препятствовать реализации перманентного стремления пакистанских властей к доминированию в Афганистане.

Террористический интернационал на афганской земле

В Афганистане наблюдается, вероятно, самая большая в мире концентрация террористических организаций (более 20), имеющих прочные позиции и стремящихся распространить свое влияние за пределы страны.

ИГИЛ. Афганское крыло ИГИЛ («ИГИЛ-Хорасан»⁷) появилось в восточных провинциях Афганистана в 2014 г. и первоначально состояло в основном из иностранных боевиков. В 2015 г. оно развернуло активную деятельность и стало пополнять свои ряды пуштунами. «ИГИЛ-Хорасан» отличали стабильное финансирование, независимость в действиях, жестокость к противникам. После существенных потерь, которые группировка понесла в столкновениях с правительственные силами, американским спецназом и «Талибаном» в 2018-2020 годах, у «ИГИЛ-Хорасан» появился новый амбициозный лидер – Шахаб аль-Мухаджир, а деятельность группировки была перестроена. Новое руководство отказалось от удержания территорий на востоке Афганистана и сформировало небольшие группы, которым была предоставлена значительная свобода действий. Эти подразделения проникли в города различных провинций, что дало им возможность осуществлять теракты практически по всей территории страны.

По мере расширения присутствия ряды группировки стали пополняться не только афганскими и пакистанскими пуштунами, но и этническими узбеками и таджиками. На фоне заключения в 2020 г. соглашения между США и «Талибаном» группировка «ИГИЛ-Хорасан» стала позиционировать себя в качестве основной непримиримой джихадистской силы в Афганистане, что обеспечило дополнительный приток радикальных боевиков. Таким образом, к событиям августа 2021 г. «ИГИЛ-Хорасан» подошел вполне

подготовленным: с середины августа по конец ноября 2021 г. организация осуществила сотни терактов.

В сложнейшей социально-экономической ситуации в Афганистане и на фоне проблем с поддержанием работы государственного аппарата «ИГИЛ-Хорасан» не испытывает финансовых затруднений. Агенты группировки собирают пожертвования на джихад в разных частях мусульманского мира. Это позволяет выплачивать высокое по афганским меркам жалование боевикам. Появляются сообщения, что под флаг «ИГИЛ-Хорасан» переходят и бывшие силовики правительства А. Гани, а также таджикские и узбекские отряды стихийно возникшего после прихода к власти талибов ополчения (в обоих случаях из-за опасений карательной политики со стороны талибских властей). Впрочем, эксперты расходятся в оценках того, насколько такие случаи являются массовыми.

Приоритет для «ИГИЛ-Хорасан» – распространение джихада в соседние регионы, главным образом в Центральную Азию. Но игиловцы могут предпочесть закрепиться в Афганистане, создав плацдарм для региональных атак. Для этого группировка либо попытается «независимо» обосноваться в каком-то отдельном районе Афганистана или «вклиниться» в противоречия внутри центрального правительства на стороне наиболее радикальной фракции и через нее стать частью этого правительства. Еще один вариант возможных действий «ИГИЛ-Хорасан» – не ввязываться ни в каком виде в борьбу за власть и контроль над территориями в Афганистане. Страна без власти и порядка, практически неуправляемая, – почти идеальная база для дальнейшей региональной экспансии. Для этого игиловцам имеет смысл наносить талибам максимальный фи-

⁷Входит в состав террористической организации, запрещенной в России

зический и моральный ущерб, подрывать их дееспособность. В таких условиях «ИГИЛ-Хорасан» имел бы максимальную свободу действий, минимум обязательств, огромную социальную базу для пополнения своих рядов, мог осуществлять трансграничные атаки, а также скрытую инфильтрацию со стихийными потоками афганских беженцев.

«Аль-Каида». На фоне «ИГИЛ-Хорасан» «Аль-Каида» в Афганистане кажется незаметной. Но это обманчивое впечатление. Несмотря на понесенные потери, «Аль-Каида» сохраняет позиции в стране, стараясь не привлекать к себе внимания. Группировка по-прежнему находится под политической защитой талибов, а ее руководство пользуется убежищем в районе афгано-пакистанской границы.

Численность боевиков «Аль-Каиды» в Афганистане оценивается в 400-600 человек. В основном это наставники и советники при подразделениях «Талибан». В военном плане «Талибан» и «Аль-Каида» были глубоко интегрированы и всегда действовали во внутриафганском конфликте сообща. «Аль-Каида» также ведет пропагандистскую работу, продвигая идеи освобождения оккупированных мусульманских земель, создания исламского халифата и призывая к соблюдению законов шариата. Сторонники «Аль-Каиды» расценивают события, произошедшие в Афганистане летом 2021 года, как победу глобального джихадизма, которая должна быть развита в других местах.

Расширение джихада в ключевые регионы мира является главной целью «Аль-Каиды». Она может поддержать расширение борьбы и на центральноазиатском направлении, поскольку у нее сложились тесные связи с рядом действующих в Афганистане группировок, чья активность ориентирована на этот регион. Но все-таки приоритетными для «Аль-Каиды» являются Южная Азия, Ближний Восток, США и Европа.

Насколько можно судить, «Аль-Каида» заинтересована в укреплении власти талибов

и налаживании на территории Афганистана нормальной жизни. Можно предполагать, что в ближайшей перспективе «Аль-Каида» займет выжидательную позицию, делая ставку не на форсирование акций за пределами Афганистана, а на помочь талибам внутри Афганистана по наведению порядка и на подготовку международных акций в будущем.

Группировки южно- и центральноазиатской направленности. Талибы санкционировали присутствие на подконтрольной им территории и активно взаимодействовали с целым рядом группировок, костяк которых составляют граждане Пакистана, государств Центральной Азии, а также уйгуры.

Некоторые «пакистанские» группы, такие как «Джайш-е-Мохаммад» и «Лашкар-е-Тайба»⁸, поддерживают отношения с пакистанской разведкой, но одновременно имеют собственную систему отношений с движением «Талибан», с «Аль-Каидой» и с «ИГИЛ-Хорасан». Особый случай – «Движение талибов Пакистана» (ДТП), которое воюет с Пакистаном и одновременно находится в партнерских отношениях с движением «Талибан» (а в прошлом получало поддержку еще и от спецслужб прежних афганских властей). На действия не только в Пакистане, но и в Индии ориентирована «Аль-Каида на Индийском субконтиненте»⁹.

Ключевые группировки центральноазиатской направленности – «Исламское движение Узбекистана»¹⁰ (в составе много узбеков, но также принимает выходцев из других этносов Центральной Азии и России), «Катибат аль-Имам Бухари» (ее костяк – уроженцы Узбекистана и южной Киргизии), «Джамаат Ансарулла» (состоит исключительно из таджиков). Эти группы имеют опыт подпольной деятельности на постсоветской территории, а также военных действий в региональных конфликтах. Приютили талибы и «Исламское движение Восточного Туркестана», для которого приоритет – китайский СУАР и «уйгурский вопрос». В последние годы группы

⁸ Террористическая организация, запрещенная в России.

⁹ Входит в состав террористической организации, запрещенной в России.

¹⁰ Террористическая организация, запрещенная в России.

центральноазиатской и уйгурской направленности укрепляли свои позиции в Бадахшане, который они, видимо, считают главным плацдармом для выхода из Афганистана на новые фронты джихада.

Группировки южноазиатской, центральноазиатской и уйгурской направленности не были глубоко интегрированы в военные структуры талибов, но действовали как бы их «под зонтиком» и должны были согласовывать важные вопросы. Одновременно они имели и независимые отношения с «Аль-Каидой», а также с «ИГИЛ-Хорасан».

Талибы и террористический интернационал. Тесное сотрудничество талибов с разнообразным террористическим интернационалом на афганской территории вступает в противоречие с их неоднократными публичными заявлениями об отсутствии намерений вести джихад за пределами Афганистана и о запрете использовать территорию Афганистана для агрессивных действий против соседних государств. Талибы давали подобные заявления и непублично, в своих контактах с представителями России, Китая, Ирана. Подобное обязательство в отношении США зафиксировано в Дохийском соглашении 2020 года. На уровне как региональной, так и глобальной политики доминирует мнение, что талибам придется предпринять какие-то действия для снятия этого противоречия.

В ноябре и декабре 2021 г. из Афганистана поступали сообщения, что талибы предпринимают шаги к интеграции иностранных боевиков (видимо, в первую очередь групп центральноазиатской направленности) в формирующуюся армию Исламского эмирата Афганистан. Причем в контактах с иностранцами талибы заверяют, что распределят иностранных боевиков индивидуально, а не устойчивыми группами, в различные армейские подразделения. В целом такая политика талибов может быть вполне приемлемой для снятия остроты террористических угроз, исходящих из Афганистана, но остается полная неопределенность относительно масштабов и результативности этой политики талибов.

В тоже время не вполне понятно, насколько они способны убедить иностранных боевиков

отказаться от их джихадистской программы за пределами Афганистана и осесть в этой стране. Масштабные же принудительные меры, скорее всего, исключены: при любых разногласиях члены этих группировок остаются для талибов братьями по вере, по оружию и гостями. К тому же сейчас талибы вряд ли могут дополнить свои предложения иностранцам выйти из джихада материальными стимулами. Нельзя исключать и перспективу воссоздания расформированных иностранных отрядов.

Джихадистские организации не собираются почивать на лаврах победы над США, их союзниками и местным марионеточным правительством, а готовятся к продолжению борьбы. Есть признаки того, что «ИГИЛ-Хорасан» и «Аль-Каида» конкурируют в собирании под свои флаги иностранных джихадистов, а также скупают у населения оружие, награбленное на военных складах. Поэтому ключевым на ближайшую перспективу становится вопрос, какие отношения сложатся у правительства талибов с этими джихадистскими организациями.

«Талибан» и «Аль-Каида» тесно сотрудничают. Всю афганскую войну их представители регулярно встречались для обсуждения вопросов оперативного планирования. Правда, в период американо-талибских переговоров контакты были сокращены. Считается, что «Аль-Каида» получила заверения от «Талибана» относительно нерушимости их исторических связей. В результате лидеры «Аль-Каиды» спокойно восприняли соглашение в Дохе. Тем более что талибам в ходе сложного и длительного переговорного процесса удалось уклониться от формулировок, которые обязывали их арестовывать или выгонять из страны членов «Аль-Каиды». Талибы лишь заверили американцев, что руководители и среднее звено «Аль-Каиды» находятся под контролем и не планируют никаких акций за рубежом.

Взаимодействие руководящих структур «Аль-Каиды» и движения «Талибан» традиционно по большей части осуществлялось через ведущих представителей группировки Хаккани. Однако и другие фракции талибов

поддерживают «Аль-Каиду». Талибам практически невозможно занять жесткую линию в отношении этой организации.

Намного более напряженные отношения сложились у талибов с «ИГИЛ-Хорасан». Само появление ИГИЛ в 2014 г. в Ираке и Сирии, его ставка на создание халифата в определенных географических границах и, тем более, самопровозглашение основателя группировки Абу Бакра аль-Багдади потомком пророка Мухаммеда, претендующим на пост повелителя всех правоверных, были восприняты крайне неоднозначно в международном джихадистском движении.

Когда в 2015 году, после сокращения иностранных контингентов в Афганистане, талибы стали явно теснить правительенную армию, А. Гани старался использовать угрозу со стороны ИГИЛ, чтобы добиться увеличения международной поддержки (впрочем, неудачно). Через некоторое время появились косвенные признаки того, что спецслужбы правительства, наоборот, пытаются наладить отношения с игиловцами, использовать их как противовес набиравшему силу «Талибану».

Были, правда и попытки наладить отношения между «Талибаном» и ИГИЛ. В 2014 г. получил распространение документ, который называли письмом от движения «Талибан» к ИГИЛ. В нем выражалось признание успехов ИГИЛ в Ираке и Сирии, предлагалось оставить распри мусульман и объединить усилия в борьбе с неверными. Даже если допустить достоверность этого послания, вскоре игиловцы развернулись в Афганистане в такой манере, которая спровоцировала разногласия с талибами. В 2017 г. группировка «Лашкаре-Тайба», скорее всего, действуя по заданию своих пакистанских кураторов, пыталась посредничать в контактах между «Талибаном» и «ИГИЛ-Хорасан», чтобы вывести их на объединение усилий в борьбе с проамериканским режимом А. Гани, но, опять же, безуспешно.

К моменту смены власти в Кабуле в августе 2021 г. талибы и «ИГИЛ-Хорасан» уже долгое время находились в конфронтации. Они воевали не только с американцами и проамериканским режимом в Кабуле, но и между собой. Поэтому вполне логично вы-

глядят сообщения о том, что талибы решительно расправились с заключенными-игиловцами высокого ранга, которых нашли в тюрьмах после взятия власти, одновременно отпустив членов «Аль-Каиды» и других группировок. Тем не менее, пока нельзя однозначно утверждать, что талибы смогут и захотят предпринять решительные действия по полному искоренению «ИГИЛ-Хорасан» в Афганистане. При всех разногласиях и даже антагонизме между лидерами «Талибан» и «ИГИЛ-Хорасан», между рядовыми боевиками и командирами среднего уровня нет не-примиримости. Они вполне могут воевать между собой, это нормально в ситуации гражданской войны и джихада. Но одновременно некоторые боевики, как афганского, так и иностранного происхождения, могут менять флаги «ИГИЛ-Хорасан» и «Талибана» в зависимости от обстоятельств. Поэтому физическое уничтожение всего состава «ИГИЛ-Хорасан» талибами маловероятно. Скорее, они будут пытаться принудить основную массу боевиков «ИГИЛ-Хорасан» к признанию своей власти, а силой расправятся с не-примиримым руководством игиловцев.

Отдельно необходимо сказать об отношениях талибов с ДТП. Этот случай интересен тем, что талибы сотрудничают с Пакистаном и одновременно помогают ДТП, который воюет с пакистанскими силовиками. Исламабад рассчитывает, что талибы займут более последовательную позицию в пользу Пакистана в этом вопросе. Вместе с тем достигнутое при посредничестве Сираджуддина Хаккани временного соглашения о прекращении огня между ДТП и пакистанским правительством не предполагает разрыва отношений афганских талибов с ДТП или выдачу бойцов ДТП властям Пакистана. Получается, что талибы помогли снизить остроту проблемы для Пакистана, но не решить ее более основательно. Пакистанские специалисты высказывают соображения, что ДТП может стать «инструментом» в руках талибского правительства Афганистана для оказания при необходимости нажима на Исламабад, а также элементом торга при переговорах по другим вопросам.

Производство и экспорт наркотиков

ISAF media



Афганистан является мировым центром производства опиатов. Помимо опиатов Афганистан является крупной страной производства каннабиноидов и, в последние годы, метамфетаминов. Объем экономики производства опиатов оценивается в 1,8-2,7 млрд. долларов (10-15% ВВП страны). Опиум и героин – главные экспортные продукты Афганистана, стоимость их поставок превышает весь официальный экспорт страны.

На качественно новый уровень традиционная проблема выращивания опиумного мака вышла в 1990-е годы. С 1986 по 2000 г. прирост производства опиатов составлял в среднем 23% в год. Бурное развитие нар-

коэкономики происходило на фоне коллапса афганской государственности в начале 1990-х, обеднения населения, обострения гражданской войны. В 1997 г. Афганистан вышел на первое место в мире по производству опиатов, с тех пор удерживая это сомнительное лидерство. Афганская наркоэкономика тесно связана на внешние связи. Основные поставки на внешние рынки идут через Иран и Пакистан, а также центральноазиатские государства.

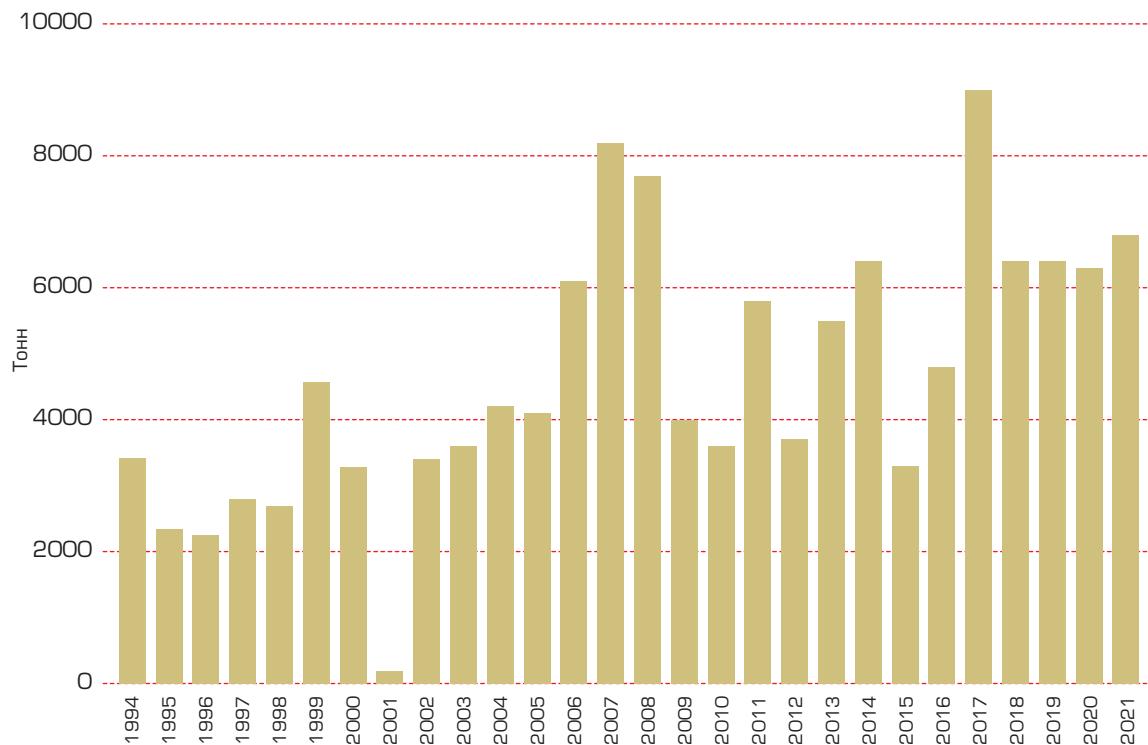
Первый приход к власти движения «Талибан» совпал со временем бурного развития наркопроизводства. Морально-религиозные установки талибов антинаркотические. Однако в первые годы талибы не предпри-

нимали мер для борьбы с производством наркотиков. Расширив свой контроль над территорией страны, они наладили систему налогообложения этой деятельности. Справедливости ради необходимо сказать, что производство наркотиков развивалось также в северных и западных провинциях Афганистана, значительную часть которых до 1998-1999 гг. контролировали командиры Северного альянса.

В 1999 году, контролируя уже практически всю территорию Афганистана (под властью Северного альянса оставалось лишь несколько процентов территории), талибы издали указ о сокращении посевных площадей на треть и достаточно решительно претворяли его в жизнь. Многие считают, что тем самым талибы пытались наладить диалог с международным сообществом, показав себя дееспособной и ответственной властью. Скептики полагают, что у талибов были другие практические соображения. Например, они пытались за счет запретов монополизиро-

вать главную экспортную отрасль экономики. Или пытались выправить ущемленное положение Афганистана в мировом наркобизнесе. Дело в том, что закупочные цены в Афганистане не росли даже тогда, когда на рынках потребителей наблюдался рост цен. Получалось, что все цепочки наркомафии зарабатывают больше, кроме первичных производителей. В еще более ущемленном положении афганские нарко-производители были при снижении цен на рынках потребителей, в такие периоды от афганцев-производителей требовали снижения закупочных цен. В результате Афганистан участвовал в наркобизнесе только за счет экстенсивных мер, то есть постоянно расширяя посевные площади. Талибы могли пытаться выправить это положение и надавить на международную мафию, действуя как «наркотический ОПЕК». Не исключено, что все эти и другие причины работали в комплексе. На практике производство наркотиков в 2000 г. снизилось на 28%. В 2000 г. талибы издали фетву о

Производство опиума в Афганистане



Источник: составлено авторами на основе *World Drug Report*.

полном запрете производства наркотиков, после чего добились сокращения производства в ключевых наркотических провинциях на две трети.

После вторжения США в Афганистан производство наркотиков сразу стало расти. Афганистан открывался, и наркобизнес пользовался этим. Производство опиума устойчиво росло до 2007 года, когда было произведено 8200 тонн. В 2008-2010 гг. имел место заметный спад, а потом снова рост. И в 2017 году, через 15 лет после начала международной операции и на фоне реляций о построении нового, демократического, современного Афганистана, был установлен рекорд производства опиума за всю историю Афганистана – 9 000 тонн.

Находясь в подполье и постепенно за-воевав позиции «ночных губернаторов», а позже и параллельной власти, талибы не вели борьбу с наркоСпроизводством на под-контрольных им территориях, а наоборот, по превалирующим оценкам, использовали наркобизнес как источник пополнения сво-ей казны.

Стратегия международной коалиции и США по борьбе с наркотиками в Афгани-стане не отличалась решительностью и последовательностью. Предпринимались попытки проведения политики замещения культур – крестьянам доплачивали за вы-рашивание чего-то легального. Но такие программы, которые по определению долж-ны быть долгосрочными, проводились на-скоком и нередко превращались в фикцию, в том числе и из-за коррупции на местах. Крайне неохотно иностранцы проводили уничтожение опиумных полей (иногда для этого привлекали наемников). В целом для Вашингтона афганские наркотики не были приоритетной проблемой (на рынок США идут наркотики из Латинской Америки и из Азии). США и подконтрольное им аф-ганское правительство объясняли, что не хотят создавать лишних проблем местному населению, у которого мало легальных ис-точников дохода, и поэтому борьба с произ-водством наркотиков должна идти в связке с расширением легальной экономики. В

краткосрочной перспективе американцы предлагали тем, кто озабочен афганскими наркотиками, бороться с ними не на афган-ской земле, а в соседних странах, то есть бороться не с производством, а с транзи-том (и говорили, что готовы к совместным действиям в этой области). Афганское пра-вительство вообще настаивало на том, что проблема заключается не в производстве, а в потреблении. В результате использова-ния подобных аргументов международные дискуссии по афганской наркоСпроблеме на-правлялись по замкнутому кругу.

За время пребывания американцев и их союзников в Афганистане производство наркотиков там выросло примерно в два раза. Даже с учетом того, что в последние годы производство наркотиков заметно снизилось по сравнению с пиковыми пока-зателями 2017 года. По мере роста нарко-производства в Афганистане расширилось и вовлечение в преступный бизнес на аф-ганских наркотиках криминальных кругов в странах-соседях и в сопредельных реги-онах.

Сейчас талибы вновь обещают бороться с наркотиками и свести их экспорт к нулю. Однако одновременно говорят о том, что борьба с наркоСпроизводством в текущих экономических условиях затруднительна (мол, нельзя отбирать у простых людей ис-точник дохода, ничего не предложив вза-мен).

Необходимо также учитывать, что тали-бы сталкиваются с двумя аспектами нар-коСпроблемы: экспорт и внутреннее потре-блечение. За последние двадцать лет на фоне многократного роста производства вырос не только экспорт, увеличилось и внутрен-нее потребление. В рамках религиозно-мо-ральных установок талибов приоритетом для них является внутреннее потребление, наведение морального порядка в стране, поддержание правильного исполнения норм ислама. Поступают сообщения, что талибы вводят практику принудительной реабилитации наркозависимых. Решитель-ную же борьбу с экспортом талибы пока не начинают.

Базовые проблемы стабильности и развития

Личная коллекция М.А. Конаровского



Уличные торговцы

Есть несколько проблем долгосрочного характера, которые оказывают значительное влияние на внутреннюю обстановку в Афганистане. Это – проблемы социально-экономической модернизации, этноконфессионального баланса и соперничества внешних игроков, глобальных и региональных.

В последние сто лет предпринималось несколько попыток обновления общества. В 1920-е годы – в основном внутренними силами с привлечением иностранного капитала и экспертов, в 1950-1970-е годы – внутренними силами, но с усиленным привлечением иностранных специалистов, льготных кредитов и донорской помощи (СССР активно участвовал – финансово и посредством направления специалистов). И затем еще дважды, с решающим вовлечением внешних сил: в 1980-е годы – СССР с опорой на местное левое движение, в 2000-2010-е – США с опорой на прозападных технократов. И каждый раз это были примерно одни и те же социальные меры – ограничение влияния мулл и племенных лидеров, слом поддерживаемых ими архаичных порядков, наделение женщин

равными правами с мужчинами, отказ от обязательного ношения паранджи, образование для девочек, отказ от жесткого регламентирования быта, разрешение европейской одежды и т.д. И каждый раз такие преобразования провоцировали мощнейшую традиционалистскую реакцию со стороны мусульманского духовенства и племенных вождей, возникало вооруженное сопротивление.

В 1950-1970-е период модернизации был длительным, она вроде бы укоренилась в городах. К тому же в 1970-е были не только те, кто сопротивлялся реформам, но и те, кто требовал их форсировать. Это были левые радикалы, которые в 1978 г. совершили государственный переворот, чтобы реализовать ускоренную (социалистическую) модель модернизации. Демодернизация 1990-х была стремительной, образованные слои в большинстве своем покинули страну. Понадобилось новое вторжение, американское, чтобы вместе с иностранными штыками на родину потянулись образованные кадры. Сейчас в Афганистане вновь имеет место стремительная демодернизация, и опять оказывается,

что без внешней поддержки сил у модернистов явно недостаточно, они бегут от талибов за границу.

Пуштуны считают себя государствообразующим этносом и претендуют на особую роль в государственном управлении. Это всегда вело к подспудной борьбе между ними и непуштунами. Однако за несколько десятилетий гражданской войны ситуация стала еще более сложной и острой, значение этно-конфессионального фактора многократно возросло.

Отряды полевых командиров имели этническую окраску. Это вело к постепенному росту этнического / национального самосознания. К тому же этнический состав страны, по-видимому, постепенно менялся и подошел к значениям, которые позволяют оспаривать исключительную роль пуштунов. Точных оценок нет, перепись в стране не проводилась, но в международной экспертной среде обычно ориентируются на то, что сейчас пуштунов 35-42% (сами пуштуны считают, что намного больше, от националистов можно услышать оценки и в 60-70%, максимальная уступка от пуштуна такая – «точно не меньше половины»), таджиков – 25-30% (сами таджики считают, что около 40), узбеков и хазарейцев – 12-15% (их общинны с такими оценками в основном согласны). Остальное – мелкие этнические группы¹¹.

Поскольку крупные непуштунские группы уверены, что пуштуны уже не составляют большинства населения, в их среде появились одновременно два отчасти противоречящих друг другу запроса – на большую автономию (то есть на меньшую власть пуштунов над ними) и на большее представительство в центральном правительстве. Во время гражданской войны в первой половине 1990-х полевые командиры одновременно обособляли свои территориальные вотчины и воевали за во многом символические посты в Кабуле. После американской интервенции поначалу продолжалось то же самое. Но после того как американцы построили в Афганистане систему власти с огромными полномочиями у центрального правительства

и стали тратить деньги именно через него, то для всех приоритетной стала борьба за место в этом правительстве. И в наиболее крупной непуштунской группе, у таджиков, постепенно «вызрела» идея, что они имеют право на верховную власть в Афганистане. Пуштуны настаивают на своем первенстве в управлении государством и абсолютно не приемлют притязания таджиков на верховную власть. Также пуштуны абсолютно не приемлют существующую в среде таджиков и узбеков идею федерализации Афганистана. Этноконфессиональный фактор как бы пронизывает все политические, экономические и социальные вопросы.

Во второй свой приход к власти талибы ведут себя менее жестко в отношении хазарейских, таджикских и узбекских общин. Однако все равно сохраняются опасения, что они, пусть и не так активно, будут проводить пуштунизацию. Единственное, что перевешивает этнический фактор – это религиозный фанатизм и радикализм. Джихадисты интернациональны. Поэтому в последние месяцы складывается парадоксальная на первый взгляд ситуация, когда некоторые непуштуны, опасаясь талибов-пуштунов, уходят к джихадистам, прежде всего в отряды «ИГИЛ-Хорасан».

Афганистан длительное время является зоной соперничества. В некоторые периоды это было соперничество глобальных держав: в конце XIX-го века – России и Великобритании, в результате чего Афганистан стал буфером между этими двумя империями; в 1980-е годы – между СССР и США. Антироссийская направленность geopolитических взглядов США на Афганистан оказывала в последние десять лет дополнительное негативное влияние и на состояние отношений между Россией и США. Однако более интенсивным и постоянным является соперничество региональных держав. Наиболее интенсивную борьбу в Афганистане с переменным успехом ведут Индия и Пакистан. Налицо также противоречия Ирана и Пакистана. Иран и Саудовская Аравия, вовлеченные в сложное

¹¹ Туркмены, белуджи, арабы, гуджары, памирцы, нуристанцы, брагуи, кызылбashi, чараймаки, пашаи.



Бюллетьен на президентских выборах 2014 г. Избиратель не выбрал никого, но оставил послание: «сначала безопасность, потом голосование»

и многоуровневое противостояние, ведут его и на афганской земле, но интенсивность этого противоборства пока несопоставима с индийско-пакистанским соперничеством.

Отдельно необходимо упомянуть проекты масштабных региональных инфраструктурных проектов по территории Афганистана, которые также содержат элементы геополитической и геоэкономической конкуренции. После распада Советского Союза США делали ставку на максимальное снижение зависимости и вообще связанности с Россией центральноазиатских государств. Сначала идея состояла в том, чтобы инфраструктурно соединить их с Европой через Каспий и Закавказье, в обход России, но после вторжения в Афганистан США предпочли оттягивать центральноазиатские страны от России в другом направлении. Американцами была сформулирована концепция Большой Центральной Азии, предполагавшая максимальное связывание стран Центральной и Южной Азии через Афганистан, создание соединяющей их транспортной и энергетической инфраструктуры, а также развитие политического и гуманитарно-культурного сотрудничества между ними. В аналогичном ключе двигался и так называемый «Стамбульский процесс – сердце Азии». К настоящему времени эти идеи достаточно глубоко укоренились в региональной политике и даже воспринимаются как региональные инициативы.

Прежние власти Афганистана были ярыми сторонниками таких идей. Поддерживают крупные проекты через свою территорию и талибы. При этом есть различные

варианты их конкретного воплощения. Некоторые проекты должны соединить страны Центральной Азии с Пакистаном (и их поддерживает Китай), другие предполагают выход на иранские порты (эти проекты ставят в приоритет Индия). Появляются элементы соперничества между этими вариантами, что привносит в них не только антироссийский элемент и не только новое измерение пакистано-индийского соперничества, но и, более широко, втягивает Афганистан и центральноазиатских участников таких проектов в противостояние американо-индийского и китайско-пакистанского блоков в Азии.

Все обозначенные выше проблемы не являются уникальными. С ними сталкивались десятки развивающихся государств. Во многих странах власти затевали форсированные реформы, которые встречали сопротивление традиционалистских сил. Многие общества негомогенны, и там сложились внутренние линии противоречий этнического или конфессионального характера. И проблема отношений с более сильными соседями и/или мировыми лидерами, была более или менее общей для множества государств, вышедших из колониальной зависимости. Афганистан в течение долгого времени был как бы в общемировом тренде развивающегося мира. Но с высоты сегодняшнего дня создается впечатление, что ради выдавливания СССР из Афганистана в 1980-е годы западные и некоторые другие государства настолько «накачали» там антимодернистские силы, что никакого внутреннего противовеса им не может возникнуть вот уже треть столетия. Параллельно обостряются этноконфессиональные проблемы, которые воспроизводят недоверие в обществе и регулярно ставят его на грань гражданской войны. К тому же у афганцев выработалось некое искаженное понимание суверенитета. Десятилетия вовлечения глобальных и региональных игроков в их дела убедили местные элиты в исключительной значимости Афганистана для мировой политики, что породило уверенность в том, что всегда найдутся внешние субъекты, на интересах которых можно выгодно балансировать.

Будущее Афганистана и интересы России

В 2021 г. не сработали сценарии нормализации ситуации в Афганистане, на которые делало ставку международное сообщество. Сначала сорвались планы интеграции талибов в международно признанное правительство (на базе дохийского соглашения). А после того, как талибы захватили власть, не состоялась передача им легитимности и международного признания прежнего режима. В результате этого прервалось многолетнее массированное внешнее субсидирование Афганистана. Речь идет не только о последних двух десятилетиях. Практически с середины XX века Афганистан был либо одним из главных получателей международной помощи, либо приоритетным клиентом великих держав. Его внутренняя политическая и социально-экономическая система существовала преимущественно за счет массированной подпитки извне. Когда в начале 1990-х годов страна осталась без такого масштабного внешнего субсидирования, наступил хаос, на фоне которого и установился первый талибский режим, ставший угрозой для региональной и международной безопасности.

Вполне естественными являются настроения в пользу того, чтобы возобновить некий международный проект в отношении Афганистана. Взять его на внешнее содержание, но организовав это таким образом, чтобы никакое государство (или группа государств) не имело решающего влияния на geopolитическую ориентацию Афганистана, а его правительство проводило курс, не конфронтационный в отношении соседей и международного сообщества. Глобальные и региональные державы помогают Афганистану, чтобы он ни для кого не был проблемой, – именно это видится идеальной формулой с учетом предыдущего опыта.

Однако государства, которые в последние два десятилетия были основными донорами Афганистана, выдвигают неприемлемые для талибов условия сотрудничества (в части внутреннего политического и социального устройства). Талибы трактуют свой приход к власти как освобождение страны (от внешней оккупации и навязанных извне порядков). Глубоко уверенные в собственной политической и идеологической правоте, новые власти не готовы к серьезным уступкам внешнему давлению.

Усилия в направлении запуска обновленного международного проекта в отношении Афганистана будут продолжаться в 2022 году. Однако все более вероятным становится, что в краткосрочной перспективе основные внешние интересанты займут негативно-выжидательную позицию и будут ограниченно участвовать в представлении Афганистану помощи гуманистического характера. Лишь немногие готовы к более тесному сотрудничеству с талибским правительством. В первую очередь это Пакистан, а также Катар, ОАЭ, Саудовская Аравия, Турция, Узбекистан, Туркменистан. Примыкают к ним Россия, Китай, Иран.

Впрочем, и большинство из перечисленных выше государств, рассчитывая на возобновление международного проекта в отношении Афганистана, действуют с оглядкой на превалирующую международную позицию и не готовы брать на себя полную ответственность за талибский Кабул. А значит, в краткосрочной перспективе международные условия функционирования талибского правительства принципиально не изменятся. Продолжат действовать санкции в отношении движения «Талибан» и его лидеров, их правительство не сможет пользоваться зару-

безными авуарами Афганистана, будут затруднены международная торговля и реализация экономических проектов. Все это осложняет внутреннюю обстановку в стране, но вместе с тем формирует уникальные условия, когда внутренняя сила должна взять судьбу страны в свои руки и вернуть ее на путь самостоятельного (пусть и сложного) существования.

Для внутренней стабильности в Афганистане решающее значение будет иметь способность талибов завершить свою трансформацию из движения, представляющего только часть афганского общества, в общенациональную силу, действующую с учетом интересов большинства афганцев. На практике это означает окончательный отказ от желания привести всю страну к «общему талибскому знаменателю» (к чему, видимо, имеет склонность часть социальной базы и руководства талибов); а вместо этого – проявление гибкости в реализации социально-политической программы с сохранением уже сложившейся практики трактовок вводимых центральным правительством норм и отступлений как в сторону их смягчения, так и ужесточения с учетом мнения местных сообществ. Для населения Афганистана такой вариант «инклюзивности» сейчас представляется более актуальным. Вопрос же большей репрезентативности центрального правительства афганское общество, скорее, готово отложить на более отдаленную перспективу.

Для поддержания положительной динамики отношений с выделившейся группой стран, готовой на более плотное взаимодействие с талибским Афганистаном, чем большая часть международного сообщества, талибам придется продемонстрировать способность сдерживать террористические группировки на своей территории.

2022 станет тестом на способность талибов справиться с этими базовыми задачами внутренней и внешней политики, причем во многом самостоятельно. Это «эксперимент» с множеством рисков. Возможны нарастание противоречий и раскол в цен-

тральном руководстве талибов. Не исключены усиление регионального сопротивления их власти и срыв в многостороннюю гражданскую войну. Талибам может не хватить сил для выполнения своих обещаний в части сдерживания террористической угрозы, в связи с чем они могут отказаться от соответствующих обещаний (по крайней мере, в отношении некоторых государств) и использовать находящиеся на территории страны международные экстремистские группировки для оказания давления на некоторых внешних акторов под предлогом того, что Кабул не помогают извне. Также нельзя исключать превращения талибского режима в диктатуру, жестко репрессивную в отношении части собственного населения, что осложнит его отношения не только с мировым сообществом вообще, но и с непосредственными соседями. Тогда талибский Афганистан может уже открыто в сотрудничестве с террористическим интернационалом стать агрессивным по отношению к своим соседям и международному сообществу.

Однако все эти риски, в конечном счете, являются производными не от внешних условий, а от политики самих талибов. Их правительство не единственное в мире, которое сталкивается с санкционным давлением, несправедливостью и двойными стандартами со стороны значительной части международного сообщества. И все это не может быть оправданием для внутренних репрессий или агрессивности в отношении других (пусть даже критически настроенных в отношении талибов) стран.

В широкой исторической ретроспективе Россия внесла свой существенный вклад в экономическое развитие и социальную модернизацию Афганистана, как в рамках широких международных усилий 1960-1970-х годов, так и самостоятельно в 1980-е. Содействовала Россия и западным усилиям в Афганистане в 2000-2010-е годы, притом, что никогда в полной мере не разделяла их идеологическую направленность. И тем более не могла согласиться с

попытками втянуть Афганистан в геополитические проекты, нацеленные против тех, кого в Вашингтоне считают недружественными государствами, в том числе придать антироссийскую направленность американской деятельности в этой стране.

После 2014 г. Россия поддерживала контакты со всеми основными афганскими политическими силами, включая и талибов, стремилась использовать их для налаживания диалога между основными внутриафганскими силами, а также для побуждения США осознать необходимость достижения договоренностей с талибами в интересах начала межафганского диалога и прекращения западного военного присутствия в стране. Эти усилия встречали неизменную критику со стороны Вашингтона, ориентировавшихся на него страны, не говоря уже о проамериканском правительстве в Кабуле. Несмотря на это, в последние годы и до самого падения прежнего кабульского режима Россия взаимодействовала с США в их попытках выйти на внутриафганские договоренности для того, чтобы вывести войска без поозора для себя и без глубокой внутренней дестабилизации самого Афганистана. В

целом же, все эти годы Россия оставалась важным, но не ключевым игроком в Афганистане, была частью международных усилий и в связи с этим была поставлена перед фактом провала чужой политики.

После провала американского проекта России нужен стабильный Афганистан (без гражданской войны), не экспортирующий терроризм и наркотики. Сохранение там элементов социальной модернизации является для России желательным, но уступает по приоритетности обозначенным выше вопросам. Россия, также как и другие страны из соседних с Афганистаном регионов, готова не выдвигать жестких требований к талибам, а дать им шанс проявить себя как самостоятельную и geopolitически нейтральную силу. То, что талибскому Кабулу придется действовать в неблагоприятных международных условиях, без широкой международной поддержки, предопределяет, по всей видимости, необходимость еще большей военной страховки в сотрудничестве с Таджикистаном и отчасти Узбекистаном на случай неспособности талибов самостоятельно справиться с внутренними задачами и выполнить свои внешние обязательства.

www.mgimo.ru
www.eurasian-strategies.ru

приоритет2030⁺
лидерами становятся

